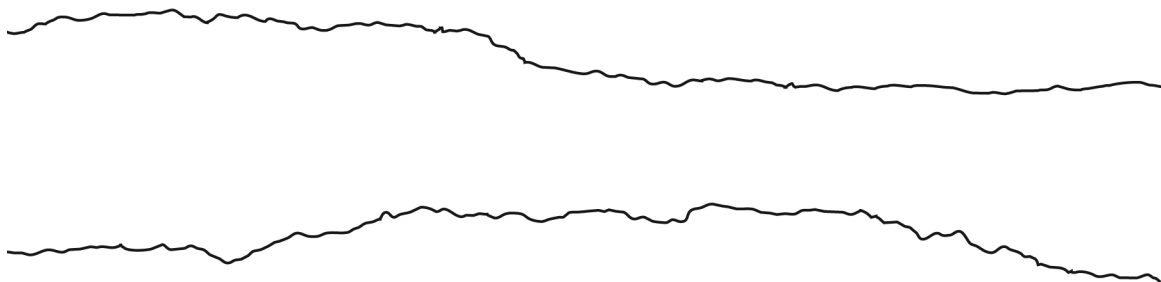

литературное
НОВОЕ
обозрение

Александра Гарт. Катакомбы
Холст, масло. 142 x 96 см. Фрагмент. 2026

Модели темпорального воображения

Андрей Олейников

Не будущим единым

ИСТОРИЯ КАК УПРАВЛЕНИЕ ВОЗМОЖНЫМ

Andrey Oleynikov

Not by Future Alone: History as the Governance of the Possible

Андрей Олейников

Приглашенный исследователь Билефельдского университета; кандидат философских наук
andrey.oleynikov@gmail.com.

Ключевые слова: исторически возможное, историчность, контингентность, историческое время, потенциальная история, событие

УДК: 101.9+930.1

DOI: 10.53953/08696365_2026_200_4_257

Статья посвящена переосмыслению категории возможного в современной теории истории. Автор показывает, что модерное историческое мышление отождествляло возможное с будущим, связывая его с идеей прогресса и ожиданиями социальных изменений. Однако кризис этой модели обнаруживает, что возможное не сводится к будущему и связано также с прошлым, сохраняющим незавершенность, контингентность и скрытые альтернативы. В этой перспективе история предстает не как описание необратимых фактов, а как практика работы исторически возможным, раскрывающая нереализованные потенциалы прошлого в настоящем.

Andrey Oleynikov

Visiting Researcher at Bielefeld University; PhD
andrey.oleynikov@gmail.com.

Keywords: historically possible, historicity, contingency, historical time, potential history, event

UDC: 101.9+930.1

DOI: 10.53953/08696365_2026_200_4_257

The article reconsiders the category of the possible in contemporary theory of history. It argues that modern historical thought identified the possible with the future, linking it to the idea of progress and expectations of social change. The crisis of this model, however, reveals that the possible cannot be reduced to the future alone and is also connected to the past, which retains its incompleteness, contingency, and hidden alternatives. From this perspective, history appears not as a description of irreversible facts, but as a practice of engaging with the historically possible, uncovering unrealized potentials of the past in the present.

Памяти моей мамы Анастасии Перфиловны Олейниковой

За последние несколько лет в теории исторического знания оформился заметный и устойчивый интерес к теме будущего, который трудно не воспринимать как симптоматический, даже если сразу не вполне ясно, симптомом чего имен-

но он является. Напрашиваются два объяснения. Одно из них состоит в том, что представления о будущем, производимые разнообразными практиками его ожидания, предвидения, прогнозирования и планирования, неизбежно устаревают, становясь законным предметом исторического анализа и пополняя тем самым ресурс «прошедшего будущего», о котором столь плодотворно рассуждал в свое время Райнхарт Козеллек¹. Однако такое объяснение, будучи слишком общим, слабо коррелирует с ситуацией, сложившейся в теории истории на рубеже XX и XXI веков. Здесь на передний план выходит проблема кризиса «модерного режима историчности», заставлявшего мыслить настоящее как переходное состояние между прошлым и будущим. В условиях провозглашенного Франсуа Артогом *презентизма* настоящее перестает служить моментом преобразования будущего в прошлое и, становясь самодовлеющим, затрудняет их объективную дифференциацию, проводимую прежде в терминах необратимых социальных изменений. Всякая такая дифференциация, обнаружив свою укорененность в настоящем, неизбежно оказывается виртуальной, контингентной и неокончательной — именно эти свойства характеризуют современную жизнь, в которой история не столько удостоверяет действительность произошедших изменений, сколько выступает в качестве практики *управления* возможным. В этой статье я собираюсь показать, что будущее следует понимать не как синоним возможного, а лишь как одну из его исторически специфических форм.

Кризис современной историчности обнажил ранее нечасто обсуждавшуюся зависимость исторического прошлого от воображаемого будущего. Как показывают в своих работах Франсуа Артог, Ханс Ульрих Гумбрехт и Алейда Ассман², характерное для презентизма сокращение дистанции в отношении к прошлому обязательно сопровождается утратой нормативного горизонта будущего, обеспечиваемого различными идеологиями прогресса. Иными словами, будущее, гарантированное идеей прогресса, задавало дистанцию в отношении к прошлому, помогая настоящему находить свой *raison d'être* в зазоре между ними. Когда же будущее (после условного 1989 года) перестает поддерживать долговременные ожидания, сжигаясь до потребностей «сего дня», прошлое «выходит из берегов», лишая настоящее надежных эпистемических средств для (само)определения.

Поэтому внимание к теме будущего в современной теории истории говорит о многом. И прежде всего о неравенстве настоящего самому себе — о потребности в такой перспективе, которая позволяла бы ему выходить за пределы собственной актуальности, соотносясь с тем, что *могло бы* или еще *может* произойти. И поскольку будущее прежде всего продолжает ассоциироваться с такой перспективой, встает вопрос: можем ли мы помыслить его как-то иначе, чем это предусматривает современная парадигма? Это чрезвычайно непростой вопрос, учитывая, что известное нам понятие будущего возникает в эпоху модерна. До модерна его попросту не было³.

-
- 1 Koselleck R. *Vergangene Zukunft. Zur Semantik geschichtlicher Zeiten*. Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 1979.
 - 2 Hartog F. *Régimes d'historicité. Présentisme et expériences du temps*. Paris: Seuil, 2003; Gumbrecht H.U. *Unsere breite Gegenwart*. Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 2010; Ассман А. Распалась связь времен? Взлет и падение темпорального режима Модерна / Пер. с нем. Б. Хлебникова; пер. английских цитат Д. Тимофеева. М.: Новое литературное обозрение, 2017.
 - 3 Лусиан Хёльшер, один из наиболее авторитетных специалистов в этом вопросе, утверждает, что модерное представление о будущем формируется не ранее XVII века,

«Исторические будущие»

Амбициозный проект «Исторические будущие», инициированный Золтаном Болдижаром Симоном и Мареком Таммом на страницах журнала «History and Theory» и ставший площадкой для высказываний многих известных ученых, был задуман специально, чтобы найти ответ на этот вопрос⁴. Как заявляют в своей программной статье Симон и Тамм, сегодня нам приходится иметь дело с будущим, которое совершенно не похоже на будущее модерна. Если последнее сохраняет свою связь с прошлым — проистекает из него, ожидается, прогнозируется и т.п., — то нынешнее будущее утрачивает эту связь. Они называют такое будущее «разомкнутым» (*disconnective*). Оно наступает не постепенно, но заявит о себе внезапно и приведет жизнь людей в совершенно небывалое состояние, к которому нельзя подготовиться заранее. Иллюстрируя такое будущее, соавторы отсылают к сценариям техногенных катастроф, неконтролируемого развития искусственного интеллекта, эксцессам глобального потепления, глобальным пандемиям, радикальным биотехнологическим вмешательствам в человеческую природу и т.п.:

Ни одно из этих будущих невозможно осмыслить в рамках классического исторического мышления, главным направлением в котором считалось совершенствование человеческого общества⁵.

Суммирующий взгляд на будущее подобного рода предлагают современные теории Антропоцена, где непредумышленные изменения условий человеческого существования достигают планетарного масштаба.

Но как это ни парадоксально, несмотря на заявленный «разрыв» с прошлым, эти катастрофические сценарии, по словам Симона и Тамма, «реактивируют прежние исторические будущие»⁶. И хотя соавторы не объясняют, как это происходит, и не дают четкого определения понятию «исторических будущих», в целом из их текста становится ясно, что «разомкнутые будущие» не вытесняют бесповоротно своих современных предшественников, а продолжают сосуществовать с ними, образуя причудливые синхронические альянсы. Создается впечатление, что главная задача статьи, несмотря на присутствующую в ней полемическую заостренность в отношении современного историзма, состояла в том, чтобы утвердить идею многовариантного будущего. Это впечатление усилится, если обратить внимание на то важное место, которое уделяется в этом тексте теме *модальности* исторических будущих:

когда в новоевропейских языках появляется соответствующее существительное в единственном числе. Понятие будущего является производным от идеи универсального мирового времени, которое формируется в тот же период (см.: *Hölscher L. Die Entdeckung der Zukunft*. Göttingen: Wallstein Verlag, 2016; *Hölscher L. The Discovery of the Future in Early Modern Europe* // *Archiv für Begriffsgeschichte*. 2022. Bd. 64. H. 2. S. 92–110. См. также: *Ландвер А. По эту сторону истории: в защиту другой историографии*. М.: Новое литературное обозрение, 2026. С. 161–183).

4 См. описание проекта на веб-портале журнала «History and Theory» (URL: <https://historyandtheory.org/historical-futures>).

5 *Симон З.Б., Тамм М. Исторические будущие* / Пер. с англ. А. Шейдовой // *Историки о будущем: сб. ст.* / Сост. А. Олейников. Рига: Überbau, 2026. С. 21.

6 Там же.

Под понятием модальности и модальностей мы имеем в виду множество возможных (но не обязательных) вариантов будущего, которые фигурируют в разных социальных и культурных практиках в одно и то же время⁷.

Другими словами, под модальностью здесь понимаются практики, которые закрепляют определенную культурную семантику будущего. Симон и Тамм выделяют три типа таких практик: переходы от прошлого к будущему, практики предвосхищения и регистры интерпретации. Я не буду останавливаться на их подробном разборе, поскольку здесь это не входит в мою задачу. Мне достаточно подчеркнуть, что уже одно обращение к теме модальности — к тому, как различные «исторические будущее» соприисутствуют в культуре и социуме, — заставляет усомниться в том, что т.н. «разомкнутые будущие» Антропоцена делают нашу нынешнюю ситуацию настолько беспрецедентной, чтобы «ее нельзя было понять в рамках классического исторического»⁸, т.е. современного мышления. Без него трудно обойтись, коль скоро речь идет об ансамбле «исторических будущих», в котором оно продолжает играть свою роль.

Более того, по моему убеждению, весь проект картографирования «исторических будущих» Симона и Тамма остается в пределах современного историзма, поскольку строится на предпосылке, что «ключевой элемент переходной связи между (воспринимаемым) прошлым и (предвосхищаемым) будущим является *изменение* (курсив мой. — А.О.)»⁹. Даже если в случае «разомкнутых будущих» изменению приписывается катастрофический характер, оно сохраняет смысл *социальной трансформации*, служащей эпистемологической матрицей современной исторической науки. Как показал в своей работе греческий теоретик истории Антонис Лиакос, эта матрица является продуктом синтеза утопического и исторического мышления, которые после первоначального отчуждения — пришедшегося на XVI–XVII века, когда идеальные общества мыслились вне истории, а сама история не допускала радикальных перемен в жизни людей, — начинают движение навстречу друг другу. Это сближение сначала приводит к появлению *эухронии*, а затем — к «темпорализации утопии»¹⁰ и формированию идеи прогресса. Благодаря союзу с утопией история превращается в науку о качественных социальных изменениях, ведущих к лучшему будущему. Причем с определенного момента — за которым трудно не усмотреть решающего влияния Лейбница¹¹ — это движение уже «не считается делом выбора, а понимается как *необходимое условие жизни и истории*»¹². В XVIII–XIX веках от прогресса становится невоз-

7 Там же. С. 32.

8 Там же. С. 21.

9 Там же. С. 33.

10 См. также: Koselleck R. Die Verzeitlichung der Utopie // Koselleck R. Zeitschichten. Studien zur Historik. Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 2000. S. 131–149.

11 Согласно Роберту Нисбету, который, в свою очередь, опирается на Артура Лавджоя, прогресс является «темпорализацией» «Великой цепи бытия»: «И никто не имеет большего отношения к этой темпорализации, чем великий Лейбниц» (Нисбет Р. Прогресс: история идеи / Пер. с англ. под ред. Ю. Кузнецова и Гр. Сапова. М.: ИРИСЭН, 2007. С. 250).

12 Лиакос А. Утопическое и историческое мышление: взаимодействия и взаимопереходы / Пер. с англ. М. Заговоры // Историки о будущем: сб. ст. / Сост. А. Олейников. Рига: Überbau, 2026. С. 173.

можно уклониться, поскольку он уже мыслится как естественная эволюция¹³. В такой ситуации, по словам Лиакоса, «история становится незаменимой для исследования необходимых условий и сроков перехода от старого общества к новому»¹⁴. Продолжая мыслить «разомкнутые» будущее в режиме такого перехода, Симон и Тамм его драматизируют, придавая ему форму непредумышленного катастрофического *события*, но это не отменяет его транзитивной логики. Чтобы в этом убедиться, я предлагаю внимательнее приглядеться к понятию события, играющему ключевую роль в других работах этих авторов.

Событие и изменение

Соглашаясь с Артогом в том, что сегодня мы наблюдаем кризис современного режима историчности, Симон и Тамм тем не менее отказываются признавать полное поглощение будущего настоящим при презентизме. Историческое время, как утверждает Симон в одной из своих статей, нельзя представить без будущего, которое отлично от прошлого и настоящего¹⁵. Однако до сих пор оно мыслилось в составе политических проектов, основанных на идее непрерывного и поступательного развития. Эти проекты не предусматривали по-настоящему радикальных изменений условий человеческого существования, которые стали возможны только теперь в виде различного рода биотехнологических и экологических трансформаций и нуждаются для своего осмысления в совсем ином типе истории, которую Тамм называют *событийной* (*evental*). Она, в частности, более всего подходит для написания истории из перспективы постгуманистических и трансгуманистических будущих:

Каковы основные эпистемологические последствия трансгуманистического будущего для понимания истории? Берусь утверждать, что, во-первых, нам придется отказаться от историцистского представления о непрерывной, девелопментальной и процессуальной истории. Опираясь на работы Золтана Болдижара Симона, я считаю, что нам необходимо развить концепцию событийной истории — нового представления об истории как о последовательности разрывов, а не непрерывности. «Событийная история» должна пониматься как широкое понятие, охватывающее все формы исторической неkontинуальности, включая резкие, разрывные и взрывные трансформации, но не сводясь к ним. В то время как процессуальная история создает иллюзию линейного и причинно-следственного потока исторического времени, исключая все непредсказуемые и разрушительные элементы, в событийной истории крайне важно концептуализировать ход истории как серию непредсказуемых и беспрецедентных изменений¹⁶.

13 Замечательный историк утопической мысли Бронислав Бачко определяет прогресс как «антиутопическую утопию». См.: *Baczko B. Utopian Lights: The Evolution of the Idea of Social Progress*. New York: Paragon House, 1989. P. 130.

14 *Лиакос А.* Утопическое и историческое мышление: взаимодействия и взаимопереходы. С. 171.

15 *Симон З.Б.* Трансформация исторического времени: процессуальные и событийные темпоральности / Пер. с англ. А. Запольской // *Логос*. 2018. Т. 31. № 4. С. 224.

16 *Tamm M.* Future-Oriented History // *Historical Understanding: Past, Present, and Future* / Ed. by Z.B. Simon, L. Deile. London; New York: Bloomsbury Academic, 2022. P. 137.

В основании концепции событийной истории, с которой выступает Тамм, лежит разработанная Симоном теория исторического события. Наиболее развернуто она представлена в двух его книгах: «История во времена беспрецедентного изменения»¹⁷ и «Эпохальное событие»¹⁸. В первой работе он определяет событие как форму, в которой заявляет о себе «беспрецедентное изменение» биотехнологического и экологического характера. Эта форма, по его словам, «бросает вызов всем предшествующим мыслительным схемам»¹⁹. Ее уникальность в том, что она изменяет не столько отдельные состояния или свойства субъекта, сколько его самого — то есть его идентичность. Поскольку история человечества до сих пор понималась как процесс социально-политических трансформаций, Симон делает сильный акцент на том, что известные ему политические теории «самопровозглашенных левых» демонстрируют неспособность помыслить «беспрецедентное изменение» с надлежащей радикальностью, обнаруживая тем самым свою глубокую зависимость от современной деволюционной историчности. Даже те из них, кто, как Ж. Деррида, Ж.-Л. Нанси или А. Бадью, больше не испытывает иллюзий в отношении прогресса, но продолжает сохранять верность идеалам эмансипации, остаются в плену процессуального видения истории. При этом Симон, по-видимому, не видит серьезной проблемы в том, что его собственная теория оказывается уязвимой для тех же упреков. В эпилоге он признается, что его «беспрецедентное изменение» следует понимать как *изменение, происходящее с течением времени (change over time)*, и что тем самым он опирается на «конвенциональное процессуально-девелопментальное» видение истории²⁰. Ему приходится опираться на него «из прагматических соображений», поскольку новая «событийная чуткость» (*evental sensibility*) остается небывалым и все еще недоступным для понимания явлением.

В другой книге Симон, развивая свою мысль о том, что событие может считаться историческим лишь постольку, поскольку оно изменяет действительность, в которой происходит, предлагает любопытную шкалу исторических событий, ранжированных по степени привносимой ими новизны. Наибольшим «трансформационным потенциалом» обладают для него те события, которые он называет «эпохальными». Они производят «беспрецедентные изменения», т.е. не просто меняют реальность, в которой происходят, но создают совершенно новую реальность. Примерами таких эпохальных событий для Симона выступают Антропоцен (который, даже если он еще не наступил, обещает радикально изменить мир, в котором мы живем) и т.н. «седловое время» (*Sattelzeit*), то есть период становления современного исторического сознания, сформировавшегося, согласно Райнхарту Козеллеку, между 1750 и 1850 годами. Симон неоднократно делится в этой книге своими сомнениями в том, что такого рода события можно продолжать называть «историческими» ввиду их «гиперисторического трансформационного характера». Но как бы он ни решился их называть в конечном счете, одно их упоминание позволяет лучше понять, что

17 Simon Z.B. History in Times of Unprecedented Change: A Theory for the 21st Century. London: Bloomsbury Academic, 2019.

18 Simon Z.B. The Epochal Event: Transformations in the Entangled Human, Technological, and Natural Worlds. Cham: Palgrave Macmillan, 2020.

19 Simon Z.B. History in Times of Unprecedented Change... P. 80.

20 Ibid. P. 189.

Симон имеет в виду под условно нормальными историческими событиями. Он разделяет их на две категории: *discontinuous* и *continuous historical events*. К первым относятся события, которые «вносят разрыв в реальность, добавляя в нее ранее не существовавшие элементы»²¹. Их примером служит Французская революция в интерпретации американского социолога Уильяма Х. Сьюэлла-Младшего — событие, вызвавшее к жизни новое понимание революции и народного суверенитета как источника легитимной власти. Ко вторым относятся события, которые, «хотя и приводят к перелому» (например, отдельные сражения в составе войн), «не выходят за пределы существующего порядка вещей»²². И, наконец, события с нулевым «трансформационным потенциалом», не производящие никаких видимых изменений, представлены в работах Хейдена Уайта о кризисе историографической репрезентации в XX веке²³. Симон предпочитает называть эти события «аисторическими», поскольку, будучи травматическими, они свидетельствуют о неспособности избавиться от прошлого, застрявшего в настоящем, и «двигаться дальше вперед»:

Не связанное с социальным опытом времени как историческим и изменчивым, травматическое событие принадлежит изолированному прошлому, продолжающему жить в настоящем²⁴.

В работах Симона содержится множество спорных утверждений, которые я не могу здесь комментировать сколько-нибудь подробно. Достаточно будет сказать следующее. Ему так и не удается, не впадая в противоречие, обосновать ни принципиальное различие между «процессуальной» и «событийной чуткостью», ни идею «беспрецедентного изменения», лежащую в основании его теоретического подхода. «Событийная чуткость», поскольку она трактуется как *изменение, произошедшее во времени*, выглядит как эпизод в дальнейшем развитии «процессуальной чуткости», а беспрецедентное изменение, если не говорить о нем как о «гиперисторическом», т.е. как о явлении едва ли не апокалиптического порядка, оказывается в одном ряду с *discontinuous historical events*, побуждая тем самым уточнить, какую позицию занимает Симон в современных дебатах о природе исторического события.

Событие и контингентность

Как нетрудно заметить, подход Симона очень хорошо вписывается в определенный тренд, который начал складываться в теории социального и гуманитарного знания примерно с 1970-х годов и был направлен на освобождение сингулярного события от редукции к глубинным социальным структурам

21 Simon Z.B. The Epochal Event... P. 101.

22 Ibid. P. 100.

23 Речь идет о двух его статьях: White H. The Modernist Event // The Persistence of History: Cinema, Television, and the Modern Event / Ed. by V. Sobchack. London; New York: Routledge, 1996. P. 17–38; White H. The Historical Event // White H. The Practical Past. Evanston: Northwestern University Press, 2014. P. 41–62. Последний текст см. также в русском переводе: Уайт Х. Историческое событие // Уайт Х. Практическое прошлое / Пер. с англ. К. Митрошенкова, А. Арамяна. М.: Новое литературное обозрение, 2024. С. 90–124.

24 Simon Z.B. The Epochal Event... P. 91.

или процессам «большой длительности». Работы Уильяма Сьюэлла, у которого Симон заимствует идею «трансформационного потенциала» исторического события, занимают видное место в этом движении. В своей известной статье о взятии Бастилии²⁵ Сьюэлл показал, что стихийное возмущение парижан 14 июля 1789 года превратилось в историческое событие, поскольку запустило цепь изменений, которые привели к трансформации структур политической легитимности. Важной его заслугой принято считать преодоление господствовавшей в исторической социологии склонности к телеологии и связанного с ней пренебрежения событиями, которые считались не более чем «маркерами на пути к неизбежному будущему» и «только эффектами, но никогда не причинами изменений»²⁶. Согласно Сьюэллу, «события можно определить как относительно редкий подкласс происшествий, которые значительно трансформируют структуры. Соответственно, *событийная концепция темпоральности* принимает в расчет трансформацию структур посредством событий» (курсив мой. — А. О.). Такая темпоральность, по словам Сьюэлла, предполагает глобальную контингентность, «которая характеризует не только поверхность, но также ядро и глубину социальных отношений. Контингентные, непредвиденные и принципиально непредсказуемые события могут отменять или изменять кажущиеся наиболее устойчивыми исторические тенденции»²⁷. При этом между двумя основными свойствами события — их контингентностью и способностью трансформировать структуры — возникает напряжение²⁸, которое разрешается у Сьюэлла в пользу понятия структуры, что находит выражение в таких, к примеру, утверждениях: «...понять и объяснить событие — значит конкретизировать, какие структурные изменения оно вызывает, и определить, какие структурные изменения были осуществлены», или «ключом к адекватной теории события является крепкая теория структуры»²⁹. Другими словами, Сьюэллу приходится сильно ограничивать принцип контингентности события, чтобы подчеркнуть его трансформационный потенциал.

Таким образом, здесь, как и в случае с концепцией «событийной чуткости» Золтана Болдижара Симона, мы сталкиваемся с одной и той же проблемой: пока событие мыслится в рамках каузальной логики как переход — сколь угодно радикальный — от одного темпорального состояния к другому, оно не становится самостоятельной категорией, поскольку неизбежно демонстрирует свою вторичность по отношению к тем инстанциям (процессам и структурам), которые призвано релятивизировать. Но можно ли помыслить событие иначе, вне логики перехода или трансформации? Как показывает в одной из своих работ нидерландский философ Герт-Ян ван дер Хейден, чтобы добиться этого, нам нужно всерьез отнестись к контингентной стороне события. Согласно его определению, «“событием” не называют то, что просто случается или происходит в мире. Скорее, событие — это понятие, созданное для того, чтобы

25 Sewell W.H.Jr. Historical Events as Transformations of Structures: Inventing Revolution as the Bastille // *Theory and Society*. 1996. Vol. 25. № 6. P. 841–881.

26 Sewell W.H.Jr. *Logics of History: Social Theory and Social Transformation*. Chicago; London: University of Chicago Press, 2005. P. 88, 91.

27 Ibid. P. 101.

28 Это прекрасно показано в статье Чи-Чиэ Тана: *Tang C.-C. Toward a Really Temporalized Theory of Event: A Luhmannian Critique and Reconstruction of Sewell's Logics of History* // *Social Science Information*. 2013. Vol. 52. № 1. P. 34–61.

29 Sewell W.H.Jr. *Logics of History...* P. 218–219.

мыслить альтернативу принципу достаточного основания (*sufficient reason*)»³⁰. Введенный Лейбницем для обоснования фактических истин, этот принцип удостоверяет онтологическую легальность произошедших событий и служит для нейтрализации их контингентности. Если все имеет достаточное основание, то все, что было ранее, не могло не произойти, поэтому прошлое становится обоснованным, необратимым и фактически необходимым. Но если исходить из неустранимой контингентности всего происходящего, значит признавать *возможность* иных порядков и отношений, причем не только тех, которые могут еще появиться в будущем, но также и тех, которые *могли бы* появиться в прошлом. Более того, последние получают преимущество, если, вслед за Джорджо Агамбеном, мыслить контингентность как потенциальность, которая несводима к актуализации. Тогда прошлое перестает подтверждать неизбежность определенного хода событий и указывает на возможность их иного развития. Вот как это происходит в момент воспоминания в описании Агамбена:

Воспоминание восстанавливает возможность прошлого, делая неисполненным то, что было, и исполняя то, чего никогда не было. Воспоминание — это не то, что произошло, и не то, что не произошло, а, скорее, их потенциализация, их становление возможным снова. Именно в этом смысле Бартлби³¹ ставит прошлое под вопрос, зовя его заново, — не просто для того, чтобы искупить то, что было, заставить его снова существовать, но, скорее, чтобы снова придать ему потенциальность...³²

В этих условиях — в ситуации никогда *не достаточного* основания, когда событие освобождается от пут установленного факта и становится мыслимым в своей потенциальности, — возникает запрос на адекватную форму исторического настоящего, которое не стремится утвердиться в своей актуальности за счет завершенного прошлого, но способно узнавать себя в его неисполненных проектах.

Управление возможным

Другими словами, речь идет о настоящем, чей горизонт открыт не только в сторону будущего, но и в сторону прошлого, которое может быть ничуть не менее контингентным и непредсказуемым. Именно такую концепцию настоящего предлагает в своих работах немецкий теоретик истории Ахим Ландвер³³. Он строит ее на базе теории социальных систем Никласа Лумана, согласно которой настоящим является то, что происходит одновременно³⁴. Как устроено историческое настоящее, по Ландверу, более подробно я постарался объяснить

30 Van der Heiden G.-J. *Ontology after Ontotheology: Plurality, Event, and Contingency in Contemporary Philosophy*. Dordrecht: Springer, 2014. P. 6.

31 Герой повести Германа Мелвилла «Писец Бартлби» (1853), он же концептуальный персонаж из статьи Агамбена «Бартлби, или О контингентности»: Agamben G. *Bartleby, or On Contingency* // Agamben G. *Potentialities: Collected Essays in Philosophy*. Stanford: Stanford University Press, 1999. P. 243–274.

32 Agamben G. *Bartleby, or On Contingency*. P. 269.

33 См.: Ландвер А. По эту сторону истории: в защиту другой историографии / Пер. с нем. В. Котелевской. М.: Новое литературное обозрение, 2026.

34 «Одновременность — это условие всякой темпоральности» (Там же. С. 80).

в другом месте³⁵. Здесь мне будет достаточно обратить внимание на следующее. Ландвер стремится преодолеть ту установку, которой Симон и Тамм придерживаются по умолчанию. Событие, с его точки зрения, не тождественно изменению *с течением времени*, а настоящее не является тонкой мембраной, что натянута между прошлым и будущим:

Настоящее также не является просто точкой перехода, в которой, согласно линейному пониманию времени, будущее превращается в прошлое. <...> Настоящее понимается, скорее, как *узел*, как место во времени, где организуются отношения присутствующе-отсутствующих времен. <...> Поэтому настоящее следует понимать как временную связь, в которой *события все еще доступны*. Настоящее — это место во времени, где *вещи еще обратимы* (курсив мой. — А.О.)³⁶.

Вопрос доступности вещей и событий находится в ведении тех, кто берет на себя за них ответственность. Решение о недоступности будет означать снятие ответственности, изъятие их из порядка настоящего и перевод в разряд отсутствующих — прошлого или будущего. Это решение принимается всякий раз заново и никогда не является окончательным. Поэтому всякий раз заново устанавливаются *хроноференции*, связывающие настоящее с различными прошлыми или будущими и регулирующие тем самым область его присутствия:

Такое понимание настоящего привело бы и к расширению сферы контингентности при работе с отсутствующим временем. Ведь не только будущее чревато контингентностью, поскольку хорошо известно, что мы крайне мало знаем, что оно может предложить. Прошлое тоже становится контингентным, коль скоро оно больше не является надежным местом хранения знаний и завершенных событий, но, напротив, само наделено непредсказуемостью. Ведь в настоящем никогда нельзя быть до конца уверенным, какие отношения и с каким прошлым будут установлены — и какое именно прошлое впервые начнет «быть»³⁷.

В этой логике событием следует считать появление нового настоящего, которое заявит о себе, создавая новые и отменяя прежние хроноференции. Впрочем, об «отмене» стоит говорить весьма условно и осторожно. Настоящее, по Ландверу, — скорее модальная, чем темпоральная категория. Это действительность, утверждающая себя за счет возможностей, которые не сходят на нет, дав ей сбыться, а продолжают составлять ее несущую конструкцию:

В исторической перспективе для этого явления было найдено выражение «айсберг истории», лишь вершина которого выдается на поверхности очевидного, а остальное скрыто под водой и существует как виртуальная или латентная история. Опираясь на понятийный аппарат Никласа Лумана, можно сказать, что это субакватическое — больше чем просто отсутствие, это «поддерживающее, несущее» отсутствие. И несущая способность отсутствующего выражается в том, что оно формирует фундамент пока не реализованных возможностей³⁸.

35 Олейников А. Наука о настоящем // Ландвер А. По эту сторону истории: в защиту другой историографии / Пер. с нем. В. Котелевской. М.: Новое литературное обозрение, 2026. С. 426–444.

36 Ландвер А. По эту сторону истории... С. 300.

37 Там же. С. 302.

38 Там же. С. 127.

Поэтому Ландвер предлагает посмотреть на историографическое предприятие не как на установление фактической истины, но как на «зондирование области возможного, исследование в области скрытого», которое позволяет событию сбыться³⁹. Хороший историк должен обладать развитым *чувством возможного* — примерно таким, каким мы находим его в описании Роберта Музиля:

Кто обладает им, тот, к примеру, не скажет: случилось, случится, должно случиться то-то и то-то; нет, он станет выдумывать: могло бы, должно бы случиться то-то и то-то, хорошо бы случиться тому-то; и если ему о чем-нибудь говорят, что дело обстоит так-то и так-то, он думает: ну, наверно, оно могло бы обстоять и иначе. Таким образом, чувство возможности можно определить как способность думать обо всем, что вполне могло бы быть, и не придавать тому, что есть, большую важность, чем тому, чего нет⁴⁰.

И, кажется, именно такое чувство было у «отца истории» Геродота, который уже в Античности приобрел репутацию изощренного выдумщика (за что и был сослан Лукианом на Острова нечестивых⁴¹), поскольку считал своим долгом передавать все, что ему рассказывали, оставляя за читателем право судить, как оно было на самом деле:

Геродот предлагает нам неоднозначность исторической истины, но это не делает его лжецом. Геродот оставляет прошлое в том пространстве возможностей, которое оно само таит в себе⁴².

Этот пример вновь дает повод вспомнить Золтана Болдичара Симона и его категоризацию событий, где концепция травматического события Хейдена Уайта заслужила определения «аисторической», поскольку она не имеет дело с изменением в направлении будущего, но говорит о неспособности избавиться от прошлого, продолжающего жить в настоящем. Симон не хочет видеть, что событие, по Уайту, не происходит с *течением времени* и не предполагает отчуждения прошлого от настоящего. Так же, как и у Ландвера, оно происходит в настоящем, связывая его с теми прошлыми, в которых оно себя узнает и ощущение сопричастности с которыми испытывает⁴³.

Возможность и агентность

Ландвер — не единственный автор, разрабатывающий тему исторически возможного и исторически потенциального. Сегодня к ней обращаются многие исследователи, которых можно разделить на две группы. К первой принадлежат те, кто изучает исторически возможное, оставаясь в границах современного историзма. В Германии это Луциан Хёльшер, ученик Козеллека, создавший

39 Там же. С. 125.

40 Музиль Р. Человек без свойств / Пер. с нем. С. Апта. М.: Эксмо, 2007. С. 12.

41 См.: Лукиан. Правдивая история // Лукиан. Сочинения: В 2 т. / Пер. с древнегреч. К.В. Тревер. Т. 2. СПб.: Алетейя, 2001. С. 100–127.

42 Ландвер А. По эту сторону истории... С. 125.

43 Мое понимание концепции исторического события Хейдена Уайта см.: Олейников А. Освобождение события // Уайт Х. Практическое прошлое / Пер. с англ. К. Митрошенкова, А. Арамяна. М.: Новое литературное обозрение, 2024. С. 7–28.

концепцию «виртуальной истории»⁴⁴. Возможное, согласно Хёльшеру, — это *будущее в прошлом*: события, которые могли когда-то произойти, но так и не произошли, несмотря на их достаточную вероятность. Хёльшер просит не смешивать виртуальную историю с контрафактической: если первая остается в горизонте ожиданий, надежд или опасений реальных исторических лиц (свидетелей начала Первой мировой войны, например) и может быть реконструирована документально, то вторая представляет собой продукт досужих спекуляций («что бы случилось, если бы эрцгерцог Франц Фердинанд не поехал в Сараево?») и больше говорит о границах воображения ее авторов, чем о возможностях, характеризующих определенное историческое прошлое.

Французские ученые Кантен Делюермоз и Пьер Сингаравело, авторы книги «Прошлое возможностей»⁴⁵, разделяют вместе с Хёльшером убеждение в том, что прошлое не исчерпывается тем, что произошло, но включает в себя пространство возможностей, которые предусматривали исторические деятели. По их утверждению, «нереализованные возможности — это “темная энергия” истории»⁴⁶. При этом в своем изучении этой энергии они идут несколько дальше, чем предлагает Хёльшер, и призывают всерьез отнестись к контрфактуальным экспериментам, которые свойственны исторической мысли с античных времен (их можно найти у Фукидида и Тита Ливия) и часто используются как риторический прием, способ вероятностного анализа или инструмент критики. Эта книга представляет редкий пример продуктивной историзации контрфактического рассуждения.

Ахима Ландвера и живущую в США израильскую исследовательницу Ариэллу Аиши Азулай следует отнести к другой группе авторов, изучающих историческое возможное. Их отличает решительная проблематизация оснований современного историзма. Одним их важных элементов такого подхода является отказ от отождествления понятий возможного и будущего и установка на рассмотрение прошлого в модусе его незавершенности и неустранимости.

По мысли Ландвера, модернистское будущее возникло из потребности в управляемости и безопасности (*Sicherheit*). Оно было призвано нейтрализовать страх неопределенности, откладывая ее вперед, чтобы стабилизировать настоящее, сделав его управляемым. Однако сегодня будущее уже не справляется с этой задачей:

Период, в течение которого ожидаются фатальные последствия нынешних решений и действий, заметно сократился. Будущее изменение климата, даже климатическая катастрофа, не просто ожидается через одно или несколько поколений, но уже давно наступило. Давление, которое ближайшее будущее оказывает на настоящее, непомерно возросло. <...> Будущее все больше омрачается проблемами настоящего. В результате будущее теряет свою функцию проективного пространства желаний, надежд и страхов. Оно просто уже недостаточно далеко, чтобы вместить в себя все то, что долгое время удавалось вместить в него прогрессистскому мышлению⁴⁷.

44 Hölischer L. Virtual History: Perspectives on an Expanded Concept of History / Ed. by M.-L. Müller, L. Deile. Bielefeld: Bielefeld University Press, 2025.

45 Deluermoz Q., Singaravélou P. A Past of Possibilities: A History of What Could Have Been / Trans. by S.W. Sawyer. New Haven; London: Yale University Press, 2021.

46 Ibid. P. vii.

47 Ландвер А. По эту сторону истории... С. 438.

И поскольку будущее перестает восприниматься в качестве ресурса нереализованных возможностей, эта роль целиком достается прошлому, незавершенность и открытость которого указывают на неспособность настоящего окончательно утвердиться в своей необходимости. Вслед за Агамбенем Ландвер рассуждает о путях восстановления потенциальности прошлого: через возвращение ему *способности не быть* и через отношение к нему, как если бы его *фактически* не было. Ландвер с одобрением цитирует английского писателя XIX века Сэмюэла Батлера, сказавшего однажды, что «разница между историком и Богом заключается в том, что Бог не может изменить прошлое»⁴⁸.

Ариэлла Азулай, исследовательница с выраженной политической позицией, на протяжении многих лет выступает за то, чтобы палестинцев перестали считать объектами колониального описания и управления и признали полноценными историческими и политическими субъектами. Свою концепцию «потенциальной истории» она изложила в одноименной книге, совмещающей черты историко-теоретического манифеста с анализом конкретных историко-культурных кейсов. Будучи деколониальным критиком, для обозначения своего антагониста она выбирает понятие «империализм», демонстрируя с его помощью, как колониальное наследие продолжает определять устройство современного мира и способы его исторического осмысления. Империализм, согласно Азулай, представляет собой не только форму господства, но и инфраструктуру современного порядка, организующую распределение прав, собственности, режимов видимости и исторической легитимности. Одним из важнейших элементов империалистской картины мира является идея прогресса:

В основе потенциальной истории лежит предположение, что прогресс — это не просто идея, но, что более важно, разрушительная сила, движение, состояние, встроенное во временные и пространственные структуры и за несколько сотен лет сформировавшее то, как мы относимся к общему миру и рассказываем о наших формах совместного существования. Мы не должны делать вид, будто нам нужно продвинуться дальше «прогресса», — это временная проблема, которую придумал для нас империализм⁴⁹.

Азулай напоминает, что уже в XVIII веке прогресс был признан силой, которую нельзя и не следует останавливать:

Однако действие прогресса как неудержимого движения началось гораздо раньше, с накопления богатства, требовавшего неслыханной скорости, которая в до-технологическую эпоху достигалась путем принуждения людей становиться «умелыми телами», чтобы их можно было использовать для определенных целей или достижения «новых высот». Таким образом, рабство можно понимать не как нечто второстепенное для режима прогресса, а как составляющую его движения и, следовательно, как то, что нужно обратить вспять, если рабство должно быть действительно упразднено: «Британской империи необходимо было обеспечить быстрое и масштабное накопление богатства, выходящее на новые уровни, которые были невозможны при использовании свободного или контрактного труда»⁵⁰.

48 Там же. С. 130.

49 Azoulay A. *Potential History: Unlearning Imperialism*. London; New York: Verso, 2019. P. 39.

50 Ibid. P. 40. Азулай цитирует здесь книгу: Beckles H. McD. *Britain's Black Debt: Reparations for Caribbean Slavery and Native Genocide*. Jamaica: University of the West Indies Press, 2013. P. 20.

Ее программа преодоления, или, как она предпочитает говорить, «отучения» (*unlearning*) от империализма, включает в себя отказ от использования линейной исторической темпоральности и матрицы дисциплинарной истории, которая закрепляет колониальное насилие в форме завершенного прошлого, натурализует существующий порядок и исключает из поля зрения подавленные возможности, утраченные связи и непризнанные притязания побежденных. Задача потенциальной истории в этой связи состоит в том, чтобы дезактивировать механизм дисциплинарной матрицы. Такая дезактивация раскрывает прошлое как незавершенный конфликт, события которого перестают восприниматься как окончательно свершившиеся факты, а подавленные возможности возвращаются в поле исторического и политического действия. Одновременно потенциальная история подрывает привилегированный статус будущего как направления движения к лучшему миру, разоблачая культ новизны и прогресса как темпоральную форму имперского господства, легитимирующую разрушение существующих миров во имя обещанного порядка грядущего.

Так же, как у Ландвера, управление исторически возможным у Азулай происходит в настоящем. Именно в настоящем потенциальная история вторгается в область установленных фактов, делая прошлое незавершенным. Но если у Ландвера незавершенность прошлого присутствует в настоящем как «подводная часть айсберга», как молчаливая предпосылка практически любой исторической работы, то у Азулай она отвоевывается в ходе борьбы с дисциплинарной матрицей истории. Другими словами, в случае Азулай возможное не просто тождественно контингентности (всякого) настоящего, оно должно быть предъявлено как этическая и политическая альтернатива текущему положению дел, в котором господствуют бенефициары империализма. В этом отношении Азулай обнаруживает значительное сходство с Вальтером Беньямином, к наследию которого она постоянно обращается, хотя делает это достаточно избирательно⁵¹.

Тематизация исторически возможного в работах Ландвера и Азулай позволяет заново поставить вопрос, который уже долгое время остается на периферии исторической теории, — вопрос об агентности занятия историей. Что делают люди, когда занимаются историей? В данном случае речь идет не о прикладном использовании исторического знания за пределами школы и академии. Речь идет о смысле исторических занятий, который не сводится к производству и обмену соответствующей информацией, но определяется через базовые общественные потребности. В свое время французский социолог Ален Турен концептуализировал эту потребность с помощью понятия «историчность», обозначающего способность общества к *самотрансформации*. «Общество, — по его словам, — это не только воспроизводство и приспособление; это также творчество, самовоспроизводство»⁵². Современный британский социолог Джерард Деланти объясняет эту идею так:

Историчность общества не является процессом перехода от одного типа общества к другому; она строго ограничена синхронной осью. Вместо того чтобы помещать общество в историю, Турен помещает общество в его историчность, то есть в его

51 О ее отношении к Беньямину см.: Azoulay A. The Tradition of the Oppressed // Qui Parle. 2007. Vol. 16. № 2. P. 73–96.

52 Touraine A. The Self-Production of Society. Chicago: University of Chicago Press, 1977. P. 3.

способность к самотрансформации, и тем самым отвергает представление о социальном изменении как о качественном скачке от одного общества к другому⁵³.

По мысли Турена, историчность — относительная величина:

Чем выше историчность общества, тем больше его способность воздействовать на самого себя, тем в большей степени изменение выступает как внутренний процесс⁵⁴.

Постиндустриальное общество обладает большей историчностью, чем индустриальное, потому что является более гетерогенным, фрагментированным, включает в себя множество социальных движений, каждое из которых может выступать агентом его самотрансформации. В 1960–1970-е годы Турен связывал эту агентность с т.н. «новыми социальными движениями» (студенческими, антиядерными, пацифистскими, экологическими, феминистскими, за права меньшинств и т.д.). Однако впоследствии он был вынужден признать, что ни одно из этих движений не может производить изменения в масштабах общества, поскольку современное общество не образует сколько-нибудь когерентной целостности, и даже эвристический потенциал категории социального в значительной мере уже исчерпан. Проблема теории Турена, как указывает все тот же Деланти, заключается в непроясненности самого понятия социального движения: следует ли понимать его прежде всего как форму агентности или же как фактор изменчивости общества в целом. Тем не менее мне представляется чрезвычайно продуктивным предложенное Туреном различие между историчностью, понимаемой как способность к самоизменению, результат которого всегда остается открытым для пересмотра, и исторической эволюцией, которая, напротив, сама предопределяет направление и характер изменений. Если историчность — это область обратимого социального (воз)действия, то занятие историей можно понимать как практику управления историчностью, практику демократического участия в определении степени допустимой социальной трансформации и ее осуществлении.

Приняв эту перспективу, мы можем найти дополнительные аргументы против редукции исторических событий к необратимости фактов. Признание за прошлым не меньшей открытости и контингентности, чем есть у будущего, позволяет освободить его от фактографической замкнутости и открыть для модального анализа — примерно так, как Симон и Тамм предлагают сделать это с самим будущим. Идею изучать модальности будущего они почерпнули из работ итало-немецкого социолога Елены Эспозито⁵⁵. Анализируя работу финансовых рынков, она вводит понятие «модализированного времени», в котором различие между прошлым и будущим опосредуется различием между актуальным и неактуальным. Тем самым она показывает, как будущие ожидания, риски, прогнозы влияют на то, что происходит в настоящем; как цены, деривативы, спекуляции задают формы будущего, которые влияют на текущие решения. Будущее не просто пассивно ожидается — рынки буквально «делают» будущее, не устранив при этом его фундаментальную неопределенность. Как

53 Delanty G. *Social Theory in a Changing World: Conceptions of Modernity*. Cambridge: Polity Press, 1999. P. 127.

54 Touraine A. *The Self-Production of Society...* P. 379.

55 См.: *Espósito E. Zeitmodi // Soziale Systeme*. 2006. Bd. 12. S. 328–344.

можно изучать *модальности прошлого* в сходной — не содержательно, но методологически — перспективе, демонстрирует книга американского социолога Робин Вагнер-Пасифичи «Что такое событие?». Ее анализ исходит из принципиальной незавершенности события: оно не совпадает с моментом происхождения, а всякий раз заново «доделывается» в интерпретациях, репрезентациях и разыгрывается перформативно. По-настоящему значимое историческое событие, как, например, Парижская коммуна, находится в режиме постоянного становления (*event-in-the-making*), оно никогда не равно себе⁵⁶. К нему применимы слова Делеза и Гваттари о Мае 68-го года:

Событие <...> — это нестабильное состояние, открывающее новое поле возможного. <...> Событие может быть сорвано, подавлено, присвоено, предано — но оно тем не менее содержит в себе нечто непреодолимое. Отступники говорят: это уже позади. Но само событие, каким бы давним оно ни было, не поддается преодолению: оно есть открытие возможного. Оно проходит через индивидов так же, как и через толщу общества⁵⁷.

Такое нестабильное состояние и есть историчность как область действия. Сегодня историю делают те, кто, подобно сапатистам из работ Жерома Баше⁵⁸ или *согражданам* (*cocitizens*)⁵⁹ из упомянутой выше книги Азулай, поддерживая эту нестабильность, заново открывают прошлое, не давая ему застыть в виде набора бесспорных фактов.

Библиография / References

Ассман А. Распалась связь времен? Взлет и падение темпорального режима Модерна / Пер. с нем. Б. Хлебникова; пер. англ. цитат Д. Тимофеева. М.: Новое литературное обозрение, 2017.

(Assman A. Ist die Zeit aus den Fugen? Aufstieg und Fall des Zeitregimes der Moderne. Moscow, 2017 — In Russ.)

Баше Ж. Переоткрывая будущее: возникающие миры и беспрецедентные исторические будущие / Пер. с фр. С. Ермакова //

Историки о будущем: сб. ст. / Сост. А. Олейников. Рига: Üüberbau, 2026. С. 49–96.

(Baschet J. Pereotkryvaya budushcheye: vznikayushchiye miry i bespretsedentnyye istoricheskiye budushchiye // Istoriки o budushchem: sb. st. / Ed. by A. Oleynikov. Riga, 2026. P. 49–96 — In Russ.)

Ландвер А. По эту сторону истории: в защиту другой историографии / Пер. с нем. В. Котелевской. М.: Новое литературное обозрение, 2026.

56 Wagner-Pacifci R. What Is an Event? Chicago; London: University of Chicago Press, 2017.

57 Deleuze G., Guattari F. Mai 68 n'a pas eu lieu // Deux régimes de fous. Textes et entretiens 1975–1995. Paris: Minuit, 2003. P. 215.

58 Баше Ж. Переоткрывая будущее: возникающие миры и беспрецедентные исторические будущие / Пер. с фр. С. Ермакова // Историки о будущем: сб. ст. / Сост. А. Олейников. Рига: Üüberbau, 2026. С. 49–96. См. также наст. номер.

59 Азулай вводит понятие «согражданства» (*cocitizenship*) как онтологическую предпосылку своей программы «потенциальной истории», осуществляемой множеством непризнанных акторов настоящего — потомками экспроприированных, участниками движений за реституцию, исследователями, заново открывающими архивы, — которые образуют транстемпоральное и транстерриториальное сообщество.

- (Landwehr A. Diesseits der Geschichte: Für eine andere Historiographie. Moscow, 2026 — In Russ.)
- Лиакос А. Утопическое и историческое мышление: взаимодействия и взаимопереходы / Пер. с англ. М. Заговоры // Историки о будущем: сб. ст. / Сост. А. Олейников. Рига: Überbau, 2026. С. 145–208.
- (Liakos A. Utopian and Historical Thinking: Interplays and Transferences // Istoriki o budushchem: sb. st. / Ed. by A. Oleynikov. Riga, 2026. P. 145–208 — In Russ.)
- Нисбет Р. Прогресс: история идеи / Пер. с англ. под ред. Ю. Кузнецова и Гр. Сапова. М.: ИРИСЭН, 2007.
- (Nisbet R. History of the Idea of Progress. Moscow, 2007 — In Russ.)
- Олейников А. Освобождение события // Уайт Х. Практическое прошлое / Пер. с англ. К. Митрошенкова, А. Арамяна. М.: Новое литературное обозрение, 2024. С. 7–28.
- (Oleynikov A. Osvobozhdenie sobytiia // White H. The Practical Past. Moscow, 2024. P. 7–28 — In Russ.)
- Олейников А. Наука о настоящем // Ландвер А. По эту сторону истории: в защиту другой историографии / Пер. с нем. В. Котелевской. М.: Новое литературное обозрение, 2026. С. 426–444.
- (Oleynikov A. Nauka o nastoiashchem // Landwehr A. Diesseits der Geschichte: Für eine andere Historiographie. Moscow, 2026. P. 426–444 — In Russ.)
- Симон З.Б. Трансформация исторического времени: процессуальные и событийные темпоральности / Пер. с англ. А. Запольской // Логос. 2018. Т. 31. № 4. С. 219–246.
- (Simon Z.B. The Transformation of Historical Time: Processual and Evental Temporalities // Logos. 2018. Vol. 31. № 4. P. 219–246 — In Russ.)
- Симон З.Б., Тамм М. Исторические будущие / Пер. с англ. А. Шейдовой // Историки о будущем: сб. ст. / Сост. А. Олейников. Рига: Überbau, 2026. С. 17–48.
- (Simon Z.B., Tamm M. Historical Futures // Istoriki o budushchem: sb. st. / Ed. by A. Oleynikov. Riga, 2026. P. 17–48 — In Russ.)
- Уайт Х. Историческое событие // Уайт Х. Практическое прошлое / Пер. с англ. К. Митрошенкова, А. Арамяна. М.: Новое литературное обозрение, 2024. С. 90–124.
- (White H. The Historical Event // White H. The Practical Past. Moscow, 2024 — In Russ.)
- Agamben G. Bartleby, or On Contingency // Agamben G. Potentialities: Collected Essays in Philosophy. Stanford: Stanford University Press, 1999. P. 243–274.
- Azoulay A. Potential History: Unlearning Imperialism. London; New York: Verso, 2019.
- Azoulay A. The Tradition of the Oppressed // Qui Parle. 2007. Vol. 16. № 2. P. 73–96.
- Baczko B. Utopian Lights: The Evolution of the Idea of Social Progress. New York: Paragon House, 1989.
- Beckles H. McD. Britain's Black Debt: Reparations for Caribbean Slavery and Native Genocide. Jamaica: University of the West Indies Press, 2013.
- Deleuze G., Guattari F. Mai 68 n'a pas eu lieu // Deux régimes de fous. Textes et entretiens 1975–1995. Paris: Minuit, 2003. P. 215–216.
- Delanty G. Social Theory in a Changing World: Conceptions of Modernity. Cambridge: Polity Press, 1999.
- Deluermoz Q., Singaravélou P. A Past of Possibilities: A History of What Could Have Been / Trans. by S.W. Sawyer. New Haven; London: Yale University Press, 2021.
- Esposito E. Zeitmodi // Soziale Systeme. 2006. Bd. 12. S. 328–344.
- Gumbrecht H.U. Unsere breite Gegenwart. Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 2010.
- Hartog F. Régimes d'historicité. Présentisme et expériences du temps. Paris: Seuil, 2003.
- Hölscher L. Die Entdeckung der Zukunft. Göttingen: Wallstein Verlag, 2016.
- Hölscher L. The Discovery of the Future in Early Modern Europe // Archiv für Begriffsgeschichte. 2022. Bd. 64. H. 2. S. 92–110.
- Hölscher L. Virtual History: Perspectives on an Expanded Concept of History / Ed. by M.-L. Müller, L. Deile. Bielefeld: Bielefeld University Press, 2025.
- Koselleck R. Die Verzeitlichung der Utopie // Koselleck R. Zeitschichten. Studien zur Historik. Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 2000. S. 131–149.
- Koselleck R. Vergangene Zukunft. Zur Semantik geschichtlicher Zeiten. Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 1979.
- Sewell W.H.Jr. Historical Events as Transformations of Structures: Inventing Revolution as the Bastille // Theory and Society. 1996. Vol. 25. № 6. P. 841–881.
- Sewell W.H.Jr. Logics of History: Social Theory and Social Transformation. Chicago; London: University of Chicago Press, 2005.
- Simon Z.B. History in Times of Unprecedented Change: A Theory for the 21st Century. London: Bloomsbury Academic, 2019.
- Simon Z.B. The Epochal Event: Transformations in the Entangled Human, Technological, and Natural Worlds. Cham: Palgrave Macmillan, 2020.
- Tamm M. Future-Oriented History // Historical Understanding: Past, Present, and Future / Ed. by Z.B. Simon, L. Deile. London; New York: Bloomsbury Academic, 2022. P. 129–144.

- Tang C.-C.* Toward a Really Temporalized Theory of Event: A Luhmannian Critique and Reconstruction of Sewell's Logics of History // *Social Science Information*. 2013. Vol. 52. № 1. P. 34–61.
- Touraine A.* The Self-Production of Society. Chicago: University of Chicago Press, 1977.
- Van der Heiden G.-J.* Ontology after Ontotheology: Plurality, Event, and Contingency in Contemporary Philosophy. Dordrecht: Springer, 2014.
- Wagner-Pacifici R.* What Is an Event? Chicago; London: University of Chicago Press, 2017.
- White H.* The Historical Event // *White H.* The Practical Past. Evanston: Northwestern University Press, 2014. P. 41–62.
- White H.* The Modernist Event // *The Persistence of History: Cinema, Television, and the Modern Event* / Ed. by V. Sobchack. London; New York: Routledge, 1996. P. 17–38.